

## Штрихи жизни и творчества П. А. Вяземского в эпоху 1812 года

Поэт Вяземский, ссылаясь на мнение графа Е. Ф. Канкрин, не чуждого философии, осмысливал свое место в жизни и сравнивал людей и себя с песчинками, из которых образуется гора государственного устройства. Разницу он видел лишь в положении песчинок: одна из них выше, другая ниже. Себя он считал незаметной и нижней песчинкой, заявляющей «существование свое в эпохе 1812-го года»<sup>i</sup>.

Некоторые исследователи, например, историк и литературовед В. Кожин, целиком сводили участие Вяземского в Отечественной войне к роли наблюдателя<sup>ii</sup>. Р. В. Иезуитова пишет, что Вяземский принял участие в Бородинском сражении как ратник Московского ополчения<sup>iii</sup>, что в сущности неверно. В связи с этим нашей задачей является показать место и роль Вяземского в эпохе 12-го года на основе его мемуарных свидетельств, а также некоторых биографических фактов.

Эта эпоха отзывалась в творчестве Вяземского на протяжении всей его жизни. Особенно остро в 1850-е годы, во время крымской кампании, когда появился сборник памфлетов «Записки русского ветерана о Восточном вопросе». 60-е годы вызвали волну воспоминаний, принявших публицистический характер с выходом романа-эпопеи «Война и мир».

Потомок Рюриковичей, сын князя Андрея Ивановича Вяземского, генерал - поручика, нижегородского и пензенского наместника при Екатерине II, сенатора и действительного тайного советника при Павле I, конечно, не мог быть «незаметной песчинкой». Свое бытие в эпохе 12-го года он осознавал как современник важных событий. Одним из них, определивших народный характер войны, был приезд государя в Москву, его выступление в Слободском дворце перед собранием дворянства и купечества, когда в краткой и ясной речи он определил положение России, опасность ей угрожающую, надежду на содействие и бодрое мужество своего народа<sup>iv</sup>.

Под влиянием всеобщего патриотического воодушевления Вяземский записался в ополчение — конный полк, который формировал граф М. А. Дмитриев-Мамонов. Важное решение было принято, несмотря на последствия продолжавшейся с осени болезни — воспаления легких. Так что летом 1812г. князь был «обложен пластырями, пользовался исландским мохом и пил кобылье молоко»<sup>v</sup>. О причине его болезни рассказал П. И. Бартенев. Осенью 1811 г. князь гостил в Усадьбе Кологривовых в Тишине. Во время прогулки молодых людей одна из княжен бросила в пруд свой башмачок. Юноши бросились доставать его. 19-летний Вяземский упал в пруд и сильно простудился. До выздоровления он оставался в усадьбе, а княжна Вера ухаживала за ним. Они полюбили друг друга, а вскоре состоялось венчание. Княжна Вера Федоровна Гагарина стала женой Вяземского<sup>vi</sup>.

Итак, Вяземский бросил процедуры и «построил себе роскошный мундир»<sup>vii</sup> — синий чекмень с голубыми обшлагами, хотя был «посредственным ездоком на лошади и никогда не брал в руки огнестрельного оружия»<sup>viii</sup>. Командиром полка Дмитриева-Мамонова был назначен свояк Вяземского, князь Б. А. Святополк-Четвертинский. На обеде у него в августе оказался его приятель, генерал М. А. Милорадович, которому было поручено формировать резервы в Калуге. Генерал предложил Вяземскому должность адъютанта. Предложение было принято, Милорадович обещал прислать вызов, согласовав назначение с генерал-губернатором Ф. В. Ростопчиным.

Ополченцы готовились к походу. Вяземский ожидал вызов и писал жене, эвакуированной в Ярославль: «Мы собрались было с Жуковским обедать на Певческом тракте, но встретили на улице Иванова, который повез нас обедать к себе. Ожидаю с нетерпением Четвертинского, надобно на что-то решиться. Ничего нет мучительнее, как быть в бездействии. Того и смотри, что Жуковский отправится, и я совершенно пропаду»<sup>ix</sup>.

Поэт был литературным учителем Вяземского, первым стихотворением которого, появившимся в печати, было послание Жуковскому. Князь ревностно следил за действиями своего учителя как ополченца. 17 августа он опять сообщал жене: «Жуковский отправляется сегодня с полком. Николай Михайлович переезжает к графу Ростопчину»<sup>x</sup>. Имя Карамзина здесь не случайно: он был женат на сводной сестре Вяземского, и после смерти его отца стал покровителем

поэта. Знаменитый писатель требовательно относился к литературным занятиям Вяземского, не предвещая легкой славы на Парнасе. В письме поэта отражен тот момент, когда Карамзин готовился записаться в ополченцы, но согласился на уговор Ростопчина перейти в его Канцелярию. По первому браку Карамзин был в родстве с генерал-губернатором Москвы.

Прошло несколько августовских дней, и Вяземский тревожно сообщал в Ярославль: «Жуковского уже нет давно со мною: он пошел в поход, и, вероятно, будем вместе, ибо все войска и армии из Москвы все идут к Вязьме. Можно надеяться, что гроза скоро рассеется. Кутузов в армии, и все пойдет хорошо»<sup>xi</sup>.

Наконец, пришел вызов от Милорадовича. В Можайске князь застал многих знакомых по московским балам. Они были изувечены в Шевардинском бою. Зрелище было печальное, незнакомое князю.

Участие Вяземского в Бородинской битве стало питающим фактором в столь прямолинейном провозглашении своего существования в эпохе 1812-го года. Спустя 56 лет он анализировал в Царском Селе обстоятельства, приключившиеся с ним в день Бородина, вспоминал людей, с которыми он встретился. Прежде всего Милорадовича, внимательного генерала, который предложила адъютанту избу, а сам остался в палатке. Мемуарист отмечал редкое самообладание Милорадовича, его чувство юмора. В минуту опасности он встретил французское ядро словами: «Бог мой! видите, неприятель отдает нам честь». Сказано было это на французском языке. Автор неожиданно обобщает: «...Привычка говорить по-французски не мешала генералам нашим драться совершенно по-русски»<sup>xii</sup>. Тем самым он показывает никчемность «квасного патриотизма» (определение, введенное Вяземским). Вспомнил он и такие черты Милорадовича, как щедрость, доходящую до расточительности, невзыскательность в житейских потребностях, обходительность и приветливость в отношении к подчиненным.

Уважение вызывает доверительно-честное описание его собственного поведения как несведущего в военных делах адъютанта: «Во время сражения я был как в...воспламененном лесу. По природной близорукости своей худо видел я, что было пред глазами моими... ничего не мог я понять из того, что делалось»<sup>xiii</sup>. Вяземский не стеснялся показать свои слабости, промахи, трагикомические ситуации. Он не забывает упомянуть о чуткости своего камердинера, который первым услышал вестовую пушку и разбудил хозяина. Волнение вызывает отчаяние Вяземского, когда в самом начале сражения он оказался без верховой лошади и не мог включиться в свиту Милорадовича. Тогда он готов был застрелиться. Передается читателю и радость автора, рассказавшего, как один из адъютантов, Карл Юнкер, предложил ему свою запасную лошадь. Свист первой пули новоиспеченный адъютант принимает за свист хлыстика.

В повествовании часто встречаются описания взаимовыручки. На одной из действующих батарей незнакомый офицер предупредил князя, что его кивер с высоким султаном, обтянутый медвежьим мехом, может сыграть злую шутку. Этот офицер остановил казака, принявшего русского адъютанта за француза и хотевшего было поразить его пикой. Кавалергард П. П. Балугев вынул Вяземского, отдав ему свою запасную фуражку. Еще один офицер пришел на помощь: адъютант Д. Г. Бибииков передал свою запасную лошадь Вяземскому, когда лошадь князя была прострелена в ногу и захромала. С гордостью, за своего командира Вяземский писал: «А за Милорадовичем на поле сражения пешком угнаться было невозможно: он так и летал во все стороны»<sup>xiv</sup>. С печалью мемуарист сообщал, что одолживший ему фуражку Балугев был убит, а Бибиикову ядром оторвало руку.

Наступил момент, когда потребовалась помощь молодого адъютанта. Милорадович ввел в действие 23-ю дивизию. Генералу А. Н. Бахметеву ядром раздробило ногу, а под Вяземским была убита лошадь. Князь остался при Бахметеве, уложил вместе с солдатами генерала на свой плащ и доставил на перевязочный пункт. Вечером голодный и усталый Вяземский попал в избу, где лежал тяжелораненый князь Багратион, адъютант которого (шурин Вяземского, князь Ф. Ф. Гагарин) накормил и уложил его спать.

Подводя итоги, мемуарист писал, что битва русскими не проиграна, «мысль о неудаче или даже полуудаче не могла никому приходиться в голову... К утру эта приятная самоуверенность несколько ослабела и остыла». Вспомнилась давка при отступлении, которое «не было по вкусу»<sup>xv</sup> солдатам и офицерам. К такому четкому анализу, бесстрашному самообличению Вяземский пришел много лет спустя. А письмо, набросанное через четыре дня после

битвы, по свежим следам, поражает эмоциональным накалом. Вяземский оглушен пережитым калейдоскопом трагических событий, невольно отторгает все, связанное с войной, чтобы вернуться к тихим радостям семейной жизни: «Я в Москве, милая моя Вера. Был в страшном деле и, слава Богу, жив и не ранен, но однако же не совершенно здоров, а потому и приехал немного поотдохнуть. Благодарю тебя тысячу раз за письма, которые одни служат мне утешением в горести моей и занятием осиротелого сердца. Кроме тебя, ничего меня не занимает, и самые воинские рассеяния не дотрагиваются до души моей. Она мертва... Дело было у нас славное, и французы крепко побиты — но однако ж армия наша ретировалась. Прошу покорно понять. Делать нечего; есть судьба, она всем управляет, нам остается только плясать по ее дудке... Бедный Петр Валуев убит. Пропать знакомцев изранено и убито. Ты меня сохранила. Прости, ангел мой хранитель»<sup>xvi</sup>.

«Поотдохнуть» Вяземскому не удалось. 1-го сентября он выехал вместе с Карамзиным в Ярославль, где находились их жены. Но в Ярославле было беспокойно: там тоже ждали французов. Ярославцы и приезжие покидали город. Карамзины уехали в Нижний Новгород, поближе к поместью в Арзамасском уезде, а Вяземский выбрал Вологду, куда ехал знакомый знаменитый московский врач и акушер Вильгельм Рихтер. Жена Вяземского должна была рожать. В Вологде Вяземского беспокоили припадки грудной болезни. Он вел обширную переписку с друзьями. Опубликованные им в «Русском архиве» «Письма 1812 года» и комментарии к ним опровергают его собственный тезис, что он был «незаметной и нижней песчинкой». Ему писали Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, А. И. Тургенев, В. Л. Пушкин, Д. П. Северин и др. Из письма литератора Н. Ф. Граматина узнаем об условиях пребывания приезжих: в Вологде грязно, дороговизна в квартирах, «с бедных приезжих дерут кожу»<sup>xvii</sup>. 16-го октября Карамзин поздравил Вяземского с рождением сына и освобождением Москвы от французов. Карл Юнкер сообщил князю о том, что он награжден за Бородино орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом. Карамзин откликнулся на награждение князя: «Поздравляю кавалера с бантом и радуюсь, что он имеет этот знак в память Бородинского сражения, которое предвестило Наполеону гибель его армии»<sup>xviii</sup>. Кстати, о награде Вяземского. В свое время не повезло его отцу: мужественного офицера, затем генерала обходили с наградой за строптивость характера. А в названии награды Петра Андреевича в монографии М. И. Гиллельсона, в биографическом и библиографическом словарях допущена неточность: указан орден Станислава 4-й ст. вместо Владимира 1-й ст. с бантом<sup>xix</sup>.

Документ, полученный от Милорадовича из Вильно, позволял Вяземскому оставаться дома, сколько необходимо. В «вологодской ссылке» князь познакомился с юристом и поэтом Н. Ф. Остолоповым, с профессором-филологом Х. А. Шленером по утрам они читали Горация, которого он толковал и объяснял. Вечерами Вяземский и поэт Ю. А. Нелединский-Мелецкий просиживали у вологодского преосвященного Евгения, беседуя о русской истории и словесности. Видя бедственное положение пленных французов, князь организовал в Вологде подписку для сбора денег на покупку им тулупов, теплых рукавиц, валенок и пр. В «Русском архиве» он опубликовал благодарственное письмо одного из пленных, Жюфруа де Сент-Жермена, начальника эскадрона из 9-го кирасирского полка (корпус Нансути).

Из документов 12-го года Вяземский особенно отмечает письмо А. И. Тургенева от 27-го октября, в котором обнаружил пророческий дар друга, его политическую и государственную прозорливость. Он восхищен здоровой оценкой совершившихся событий, их последствий, развязки кровавой драмы. Тургенев писал: «Зная твое сердце, я уверен, что ты не о том, что потерял в Москве, но о самой Москве тужишь и о славе имени русского; но Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщения найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Ее развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу»<sup>xx</sup>.

Удрученный бедствием Москвы, ее осквернением, мало надеясь на скорое возрождение, впечатлительный от природы князь был в упадническом настроении. Он, как владелец крепостных душ, забыл свои дела. Карамзин был озабочен этим и подсказывал Вяземскому, что сделать в первую очередь: написать бурмистру в имение Остафьево, распорядиться о доставке туда хлеба, побывать в Москве, Остафьево, в Кашинском или Тверском имениях, принять меры для возобновления работы фабрик, заключить контракты с купцами. Опасаясь, что могут описать

Кашинское имение, Карамзин советовал написать в Петербургский банк о причине невыплаты процентов, указав срок платежей. В конце декабря князь побывал в Москве, которая залечивала раны: каменщики, плотники не прекращали работы и ночью, «при огнях».

К тому времени появился замысел «Послания к Жуковскому из Москвы...» Вяземский сожалел, что не встретился с Жуковским на Бородинском поле. Как и он, Жуковский был наскоро посвящен в воины, но «...вынес из Бородинской битвы «Певца во стане русских воинов»<sup>xxi</sup>. «Послание...» относится к ряду дружественных. Поэт надеялся на встречу

В Москве, всегда священной нам и милой!  
В ней знали мы и дружбу и любовь  
И счастье в ней дни наши золотило<sup>xxii</sup>.

Позднее Вяземский вспоминал: «Москвич родом и душою, вступил я в военную службу на защиту матушки-Москвы. С падением Москвы после не совсем удавшейся попытки отстоять ее на Бородинском поле, призванному воину, казалось и делать более нечего под воинскими знаменами»<sup>xxiii</sup>. В «Послании...» он перечисляет, какие картины бедствия, опустошения встретит в Москве Жуковский. Счастливым автор называл того, кто не видел этих ужасных картин,

...кто меч, отчизне посвященный,  
Подъял за прах родных, за дом царей,  
За смерть в боях утраченных друзей...<sup>xxiv</sup>

Весной 1813 г. возобновившаяся болезнь помешала Вяземскому ехать в армию. Он с семьей переехал в Ярославль. В Ярославской губернии продолжалось комплектование конного полка Дмитриева-Мамонова. Князь как бы состоял в действительной службе, числясь в списках полка. Намерение оставить службу было одобрено Карамзиным в марте 1813 г. «Долг чести исполнен, если вам можно с пристойностью взять отставку из полку». Попечитель напомнил об обещании Вяземского не играть в карты: «К нам писали, что вас старались обыграть в Вологде и что в Ярославле готовят вам то же... Если не удержитесь от игры, то лишитесь всего, а вы уже отец семейства...»<sup>xxv</sup>

Завершился заграничный поход русской армии, и Вяземский, случайный московский ратник, мог спокойно «вложить в ножны казацкий булат»<sup>xxvi</sup>. Спустя два месяца после падения Парижа, московское дворянство устроило праздник в честь Александра I. Празднество происходило за Калужскими воротами, в доме действительного статского советника, управляющего придворной певческой капеллой Д. М. Полторацкого. Среди учредителей торжественного действия первое место занимал Вяземский. Начиналось торжество пением пролога. Аллегорически Россию изображала В. Ф. Вяземская. Одна из декораций пролога представляла бюст российского императора. На тумбе под бюстом огненными литерами была начертана надпись, сочиненная Вяземским:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель  
Какой венец Ему? какой Ему алтарь?  
Вселенная! пади пред Ним, Он твой спаситель,  
Россия! Им гордись: — Он сын твой, Он твой Царь!<sup>xxvii</sup>

За прологом следовал бал, иллюминация, фейерверк и ужин. Бал начался «Польским», слова которого были сочинены Вяземским. За ужином пели его же «Хор» и «Народную песню».

Подводя итог, скажем, что несмотря на отсутствие призвания к военному делу, болезненное состояние, рассеянный образ жизни, князь Вяземский встал на защиту Родины, рисковал жизнью в Бородинской битве. В корне неверно упоминание в одном из писем современницы (фрейлины М. А. Волковой) имени князя как участника битвы в качестве зрителя. Публикацией писем 12-го года, мемуаров, художественных произведений он вывел из небытия имена людей, обстоятельства славной эпохи, тем самым уточняя историческую истину. Существование Вяземского в эпохе более протяженно по времени. Он жил настроениями эпохи в ходе Отечественной войны 1812 года и после нее. Его имя вписалось и в дни бедствия, и в дни торжества России.

## Примечания

<sup>i</sup> Русский архив. М., 1870. С. 01.

<sup>ii</sup> Кожин В. Судьба России: вчера, завтра, сегодня. М., 1997. С. 339.

<sup>iii</sup> Иезутова Р. В. Русский Тиртей // Бомбардир. 2000. № 10. С. 29.

- 
- <sup>iv</sup> Русский архив. М., 1870. С. 184.
- <sup>v</sup> Там же. 1866. С. 132.
- <sup>vi</sup> Знаменитые россияне XVIII—XIX веков. Биографии и портреты. По изд. вел. князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». 2-е изд. СПб., 1996. С. 797. Можно не сомневаться в достоверности сведений П. И. Бартенева, о котором Вяземский писал из Гамбурга в 1873 году: «Здесь у нас в доме гостит Бартенев. Пьет воды и выкачивает трубою своих вопросов из нас все, что может, для переливки в свой архивный чан» (*Шереметев С. Д.* Князь Петр Андреевич Вяземский. (Очерк). СПб., 1891. С. 22).
- <sup>vii</sup> *Бартошевич В. В.* А. С. Пушкин и генерал М. А. Дмитриев-Мамонов. (К истории одного заблуждения)// Бомбардир. 2000. № 10. С. 44.
- <sup>viii</sup> Русский архив. М., 1870. С. 02.
- <sup>ix</sup> Остафьевский архив. СПб., 1909. Т. V. С. 4.
- <sup>x</sup> Там же.
- <sup>xi</sup> Там же. С. 5.
- <sup>xii</sup> Русский архив. М., 1870. С. 05.
- <sup>xiii</sup> Там же. С. 010.
- <sup>xiv</sup> Там же. С. 07.
- <sup>xv</sup> Там же. С. 08.
- <sup>xvi</sup> Остафьевский архив. Т. V. С. 7—8.
- <sup>xvii</sup> Русский архив. М., 1866. С. 240.
- <sup>xviii</sup> Там же. С. 230-231.
- <sup>xix</sup> *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 17; Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М., 1989. С. 502; Русские писатели XI—начала XX вв. Библиографический словарь. Книга для учащихся. М., 1995. С. 124.
- <sup>xx</sup> Русский архив. М., 1866. С. 250-251.
- <sup>xxi</sup> Там же. 1870. С. 010.
- <sup>xxii</sup> *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 64.
- <sup>xxiii</sup> Русский архив. М., 1866. С. 232.
- <sup>xxiv</sup> *Вяземский П. А.* Указ. соч. С. 65.
- <sup>xxv</sup> Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1897. С. 9.
- <sup>xxvi</sup> Русский архив. М., 1866. С. 233.
- <sup>xxvii</sup> Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814г. обществом благородных людей... Соч. А. В(ельяшевы)м. М., 1814. С. 14.